

Т. С. Канева

УСТЬ-ЦИЛЕМСКИЕ СКАЗКИ ОБ ИЛЬЕ МУРОМЦЕ В ИСПОЛНЕНИИ М. А. СЕМЕНОВОЙ НА ФОНЕ МЕСТНОЙ ТРАДИЦИИ

Резюме

В статье рассматриваются четыре записи сказки об Илье Муромце, сделанные в течение десяти лет (1980–1990) в Усть-Цилемском районе Республики Коми (бассейн Печоры) от Марфы Алексеевны Семеновой (1917–1997); одна из них (из архива кафедры фольклора МГУ) опубликована как пересказ былины в первом томе Свода русского фольклора, остальные хранятся в Фольклорном архиве СГУ. Как пересказ былины вариант этой исполнительницы заметно выделяется среди других пересказов былинных сюжетов о главном богатыре русского эпоса, прежде всего своим объемом. Текст, рассказанный М. А. Семеновой, объединяет сюжеты об исцелении Ильи Муромца, его победе над Соловьем-разбойником и избавлении Киева от орды. Варианты записи М. А. Семеновой сопоставляются между собой, а также с другими усть-цилемскими вариантами сюжетов об этом герое (былинами и сказками). По результатам сравнительного анализа комментируются наиболее интересные наблюдения об особенностях сюжетного построения и реализации мотивов и образов. В частности, обращено внимание на редкий мотив получения героем имени (Илья Муромец «замуромил» реку), на нехарактерную причину заточения Ильи Муромца в погреб. Отмечены особенности текстов: совпадающие и варьирующиеся фрагменты, опирающиеся на традиционные формулы и прозаизированные, приближенные к привычной для рассказчицы обстановке и переданные простым языком. Эти наблюдения предваряются характеристикой репертуара исполнительницы, оцениваются возможные источники ее фольклорного знания, делается вывод об устном усвоении сказок и о четком различении М. А. Семеновой сказок и былин.

Ключевые слова: сказка, былина, эпос, Илья Муромец, Усть-Цильма, вариант, исполнительство

THE UST-TSILMA FOLK TALES ABOUT ILIA MUROMETS PERFORMED BY MARFA ALEKSEEVNA SEMENOVA AS A PART OF THE LOCAL TRADITION

Abstract

The article examines four recordings of a tale about Ilia Muromets that was narrated by Marfa Alekseevna Semenova (1917–1997) in the Pechora River basin of the Ust-Tsilma District of the Komi Republic. The recordings were made in the years 1980–1990. Three recordings are kept in the Folklore Archive of the Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, and one is preserved in the Archive of the Department of Folklore of Moscow State University. The later was published in the first volume of the *Svod russkogo folklora* as a version of a *bylina* about the main hero of the Russian epic. If considered as a retelling of the *bylina*, Semenova's tale noticeably differs from other epic versions. The text narrated by Semenova is much larger and combines stories about the healing of Ilia Muromets, his victory over Solovei-Razboinik and the deliverance of Kiev from the pagans. This study compares the four recordings of Semenova's narration with each other and with other Ust-Tsilma variants of the *byliny* and tales about this hero. The article comments on the most interesting peculiarities of the construction of the plot and the implementation of motives and images in Semenova's tale. Special attention is paid to the rare motive for the hero to receive a name — Ilia Muromets *zamuromil* (i. e., dammed up) the river — and to the atypical reason for his imprisonment in the cellar. The study also notes such features as overlapping and varying fragments that are based on traditional formulas and others that are expressed in prose, relate to the familiar environment of the narrator, and are conveyed in ordinary language. The article includes a description of the performer's repertoire and a discussion of the possible sources of her folklore knowledge. The study led to the conclusion that Semenova learned the tales by ear and that she was well aware of the distinction between a folk tale and a *bylina*.

Keywords: folk tale, *bylina*, epic, Ilia Muromets, Ust-Tsilma, variant, performing

DOI 10.31860/2712-7591-2023-3-193-207

В большой группе былин об Илье Муромце, записанных в Усть-Цилемском районе Республики Коми и опубликованных в Своде русского фольклора (89 текстов) [БП], имеется немало вариантов, переданных в пересказе (23 текста). В числе их исполнителей — и признанные старинщики (например, А. Ф. Вокуев или И. П. Поздеев), которые пересказали былинку, а не исполнили ее пением-сказыванием в силу каких-то определенных обстоятельств, и носители традиции, о знании былин которых можно судить лишь по этому единственному пересказу. В числе последних — шесть исполнителей. Тексты пяти из них выглядят как краткая передача сюжетов, скромно занявшая на страницах Свода несколько строк (3–5, 8, 18). На этом фоне

заметно выделяется объемный текст М. А. Семеновой — 110 условных печатных строк, — объединивший сюжеты об исцелении Ильи Муромца, его победе над Соловьем-разбойником и избавлении Киева от орды [БП, т. 1, № 57] и названный самой исполнительницей сказкой [БП, т. 1, с. 693]. Вариант опубликован по записи из архива кафедры фольклора МГУ, сделанной Н. В. Вдовченко в 1980 г.

Кроме этого текста, в тетради Н. В. Вдовченко имеются и другие материалы, зафиксированные от М. А. Семеновой: еще три сказки, загадки, колыбельная, плач невесты и песни (всего — 20 единиц записи)¹. В этой же экспедиции другому ее участнику, И. В. Коробушкину, М. А. Семенова исполнила семейное виноградьё, причитание по мужу, песню плясового характера и весьма оригинальную «солдатскую» песню².

Собиратели Сыктывкарского университета в 1986 и 1990 г. также встречались с этой исполнительницей. В полученной коллекции текстов — произведения разных фольклорных жанров (в частности, те же, что и в материалах МГУ: сказки, колыбельная и святочное величание, загадки, а также колыбельная, песни, мифологические и историко-легендарные нарративы) и рассказы фольклорно-этнографического характера (всего — 75 единиц записи³, не считая еще нескольких традиционных песен в составе небольшого ансамбля).

Зафиксированный двумя группами собирателей репертуар М. А. Семеновой отражает разнообразный «фольклорный багаж» носителя местной традиции. Давая ему общую оценку, отметим, что как фольклорный исполнитель Марфа Алексеевна наиболее ярко раскрылась прежде всего в прозаических жанрах⁴: она охотно рассказывает о разных случаях, повествование ведется ею неторопливо, обстоятельно; спокойная манера говорения не заслоняет очевидного интереса к излагаемому. И если записанные от М. А. Семеновой песни, загадки, былички и предания вряд ли исчерпывающе передают степень ее владения этими и некоторыми другими жанрами, то полностью совпадающий в обеих архивных коллекциях список сказок может вполне уверенно говорить о том, что их репертуар был невелик и, скорее всего, ограничивался только этими четырьмя сюжетами («Марфа Прекрасная, Иван и два брата», «Девушка и разбойник», «Самодин-семизубка» и «Илья Муромец»).

¹ АКФ МГУ. ФЭ-12: 4-10-1980. Т. 19. № 249–268.

² Там же. Т. 18. № 192–195.

³ Фольклорный архив СГУ. Усть-Цилемское собр. (далее — ФА СГУ). АФ 0306: 3–5; АФ 0307: 1–18; АФ 03103: 44–47; АФ 03104: 1–21; АФ 03107: 18–27; АФ 03108: 1–3; АФ 03114: 11.

⁴ См.: [Наумова].

Исходя из лаконичных рассказов исполнительницы и некоторых других данных, можем заключить, что источниками фольклорного знания М. А. Семеновой была исключительно устная традиция — семейная, деревенская, причем не замкнутая, а постоянно взаимодействующая с локальной (в пределах района) традицией. Марфа Алексеевна (1917–1997) родилась и выросла в деревне Бор⁵ на Печоре, основанной ее родителями, устьцилемцами Алексеем Яковлевичем и Анной Никифоровной Кисляковыми. В маленькой деревне боровяне вместе не только справляли праздники⁶, но и проводили досуг⁷. При этом Бор стоял на пути, связывающем местечко Старые Дворища напротив села Усть-Цильма, выполнявшее роль сельскохозяйственной базы, с «микрорайонами» края Пижмой и Цильмой, и в доме перво-засельщиков всегда было много гостей, в их числе бывали и сказочники, и, возможно, сказители-былинщики. Сама М. А. Семенова четко различала сказки и былины (стáрины); она вспоминала, что сказки знала ее мать «и отец сказывал, да тут люди кое-кто сказывали стары-те: был Олампий Кондратьевич, у его фамилия Поздеев, наверно, была; а второй тут-ка был Иван Павлович, дак они сказки каки ле всяки сказывали. ⟨...⟩ А тут опять как стáрины назывались, пели тоже они»⁸. С большой долей уверенности можем говорить о том, что былинным репертуаром сама Марфа Алексеевна не владела, иначе собирателям, пристрастно искавшим последние следы бытования эпоса на Печоре и неоднократно встречавшимся с М. А. Семеновой, наверняка удалось бы сделать от нее такие записи.

В примечании Н. В. Вдовченко к сказке об Илье Муромце сообщается: «Слышала она ее от своего деда» [БП, т. 1, с. 693]. Отвечая на вопрос собирателя А. Н. Власова об этой же сказке, М. А. Семенова вспоминала: «Скажу я тебе: мы там это жили в деревне-то, на Бору-ту, а ёводека опять есть

⁵ В архивных материалах и публикациях местом рождения М. А. Семеновой ошибочно названы другие усть-цилемские деревни (Барашки, Черногорская, Алёхино); биографические данные уточнены нами в 2023 г. (ФА СГУ. АФ 03456-XX).

⁶ См., например: «Вот эти заговня стары люди всё гуляли. У мян отец рюмки хошь нё пил, а он с людьми знался, это вот к нам гостей соберёт, там на Бор к нам приедут люди. ⟨...⟩ Неделя пройдёт — тогда опять поедут к другим, опять на Устьелму, опять там гулять» (ФА СГУ. АФ 0307-11; зап. в 1986 г.). Здесь и далее в расшифровках аудиозаписей в угловые скобки нами заключены незначительные пропуски текста или восполненные в словах слоги.

⁷ «Тут девки ко мне ходили, девки прйдут, они чё ле, отец да мати, тут то сказки каки ле, то бывальщины каки ле — чё ле рассказывают. Такó на веках бывало какó ле, чё ле такó. ⟨...⟩ Мы эво в деревне особенно там жили, дак ведь деревня небольшая по первости была, веселья такого никакого нет, вот чё ле соберёмся, сидим вечером, одны сказывают, други слушаем да и» (ФА СГУ. АФ 03104: 4, 5; зап. в 1990 г.).

⁸ ФА СГУ. АФ 03103-45; зап. в 1990 г. См. также: «Стáрины-ти ране пели» (ФА СГУ. АФ 0307-11; зап. в 1986 г.).

деревня это за рекой на острове, отсель она видно, Стары Дворища называется, это в той деревне только на лето люди ездили. И тут с Усть-Цильмы ездили такой старик да старуха, а они нашим-то, отцу-ту, были такой знакомы, ездили всё это раньше друг к дружке, дак вот эти старик да старуха из этой, со Старых-то Дворищ, к нам это в деревню-то всё приезжали, ак они столько много сказок знают! Дак это приедут осенью к нам дак, тут все соберутся, все у их сказки слушают. Дак я вот эту запомнила как-то каку ле сказку...»⁹.

Между богатырскими сказками и пересказами былин (побывальщинами) грань трудноуловима [Астахова 1962, с. 4]. Сюжет об исцелении богатыря-сидня, по наблюдениям А. М. Астаховой, распространен преимущественно в прозаических пересказах и сказочных обработках. В форме былины он известен исключительно Северу, но и здесь записано мало текстов, отличающихся хорошо отработанным былинным стихом, большинство же текстов отмечены прозаическим складом. Всё это заставляет предполагать первоначальное возникновение сюжета в форме легендарно-сказочной на основе широко распространенных народных сказок о сидне (...) Былинные же обработки явились, очевидно, позднейшими попытками переоформить уже распространившуюся сказку в былину» [Астахова 1958, с. 449].

Не касаясь вопросов жанровой атрибуции, мы сосредоточимся на сказке об Илье Муромце (СУС—650С*) в записях от М. А. Семеновой с целью сопоставления их между собой, а также с другими усть-цилемскими вариантами сюжетов об этом герое — опубликованными былинами и двумя сказками об исцелении Ильи Муромца из ФА СГУ (оба варианта — краткие, рассказанные женщинами, также не входящими в число знатоков былин)¹⁰.

От М. А. Семеновой сказка об Илье Муромце записывалась четыре раза¹¹. Она объединяет три сюжета (лишь один вариант записи (Т-2), по всей видимости, был зафиксирован не с начала и передает только последний сюжет): 1) «Исцеление Ильи Муромца»; 2) «Илья Муромец и Соловей-

⁹ ФА СГУ. АФ 0307-2; зап. в 1986 г.

¹⁰ ФА СГУ. АФ 0344-37 (Ермолина Ф. Ф., 1927 г. р., с. Трусово, зап. З. Н. Мехреньгиной, А. В. Панюковым, Ф. Габерлах в 1988 г.); АФ 0374-13 (Хозяинова А. В., 1897 г. р., д. Гаревое; зап. А. А. Бильчуком в 1988 г.).

¹¹ Напомним, что первая по времени запись была сделана в 1980 г. собирателем из МГУ Н. В. Вдовченко, этот вариант опубликован [БП, № 57], обозначим его как текст № 1 (далее при ссылках — Т-1); цитаты из него приводятся в полном соответствии с публикацией). Три варианта получены собирателями Сыктывкарского университета: в 1986 г. запись выполнена А. Н. Власовым и Т. Е. Васильевой (ФА СГУ. АФ 0307-1; текст № 2, далее — Т-2); в 1990 г. с М. А. Семеновй дважды встречалась З. Н. Мехреньгина: в апреле (ФА СГУ. АФ 03103-47, АФ 03104-1; текст № 3, далее — Т-3) и в ноябре (ФА СГУ. АФ 03114-11; текст № 4, далее — Т-4); расшифровка аудиозаписей из ФА СГУ выполнена З. Н. Мехреньгиной и Т. С. Каневой.

разбойник» (включая «Три дороги», но без эпизода, связанного с семьей разбойника); 3) «Илья Муромец и Калин-царь». Подобная трехчастная история об этом герое в печорских былинах представлена у П. И. Торопова [БП, № 43] и Е. Г. Мяндиной [БП, № 49], а у А. А. Шишеловой входит в состав большого сводного произведения об Илье Муромце [БП, № 48]. На одном или двух из трех названных сюжетов строится еще 28 усть-цилемских вариантов былин, при этом повторные записи от одного сказителя единичны¹². На этом фоне группа текстов М. А. Семеновй (четыре варианта записи) выглядит исключительно, предоставляя исследователям интересный материал для сравнительного анализа. Оставляя в стороне многочисленные детали, полученные по его результатам, отметим наиболее интересные и важные, на наш взгляд, моменты.

Повествование М. А. Семенова начинается в традиционной сказочной манере, герои безымянны: «Жили-были мужик да баба (Т-1, Т-4) / муж да жона (Т-3). У их был сын (Т-1, Т-3) один (Т-4)». Былинные целители нездорового сына — «сиротины убогие, калики перехожие» — «упрощены» рассказчицей до двух «прохожаев незнакомых» / «мужиков» / «мушчын»¹³.

Обратим особое внимание на имя главного героя. В одном из текстов М. А. Семеновй (Т-3) в первой части повествования (об исцелении) оно вовсе не называется¹⁴. Однако в двух других вариантах записи рассказчицей предложена весьма интересная версия происхождения имени. Она реализуется в описании крестьянского подвига, когда получивший необыкновенную силу герой (все еще никак не названный — просто «он») отправляется в поле к родителям и ловко вырывает деревья, заваливая ими реку / озеро: «Поле это было возле озера, так он лесину возьмет, с кореньями оторвет, мечет в озеро, сколько сил у его много, не только что он топором... Ну, метал он и метал, лесины рвал, много он тут места вычистил, *озеро всё замуромил*. А его звали Ильей. *И его прозвали поэтому* стар казак Илья Муромец: *он замуромил*, всё заметал озеро» (Т-1)¹⁵; «А тут озеро есь, така речка, озеро, тут лес. Он это лес-от всё рвёт так с кореньями, лесинки оторвёт

¹² Это две одновременные записи об исцелении Ильи Муромца и Соловье-разбойнике в исполнении Г. В. Вокуева [БП, № 50 и 54] и записи от П. И. Торопова, сделанные в один день: сначала он пересказал трехчастную былинку целиком [БП, № 43], а после напел ее начало — «Исцеление» [БП, № 44].

¹³ Как и двумя другими усть-цилемскими исполнительницами сказок об исцелении Ильи Муромца: «...пришёл к ему какой-то там, стал просить у его пить», «напоил этого дядьку...» (ФА СГУ. АФ 0344-37); «пришли два мужика», «вот мне приходили два дяденьки» (ФА СГУ. АФ 0374-13).

¹⁴ Имя «стар казак Илья Муромец» появляется лишь в следующей сюжетной части — о встрече с Соловьем-разбойником.

¹⁵ Здесь и далее в примерах из фольклорных текстов курсив мой. — Т. К.

да опять в речку, да всё в озеро-то и мечет. *И это всё замуромил эту речку, озеро. Ак вот его поэтому и прозвали* стар казак Илья Муромец — *это он замуромил всё это, воду-то, реку-то*» (Т—4).

Насколько мы можем судить, мотив «герой замуромил реку и получил имя Муромец» является редким на общерусском фоне¹⁶. Примечательно, что параллели озвученной М. А. Семеновой этимологии имени обнаруживаются непосредственно в усть-цилемских текстах. Наиболее близкий вариант — с подобной мотивировкой появления имени, но с другим, хотя и созвучным, глаголом — находим в пересказе сюжета об исцелении богатыря в записи от пижемца Ф. Ф. Мяндина: «Потом он пришел к ним да начал лес кидать. Со всем, с кореньями и стал рвать. Кидал, кидал — да всю речку закидал, замуровал¹⁷. Так его и стали звать — Илья Муромец» [БП, Прил. I, № 8]. В «сказке» (фрагментарном пересказе) об исцелении Ильи Муромца, записанной на Цильме от Ф. Ф. Ермолиной, причинно-следственная связь между «свершением» и именованьем субъекта лишь угадывается, тем не менее главные элементы мотива сохранены: «Илья побежал там к отцу да к матери. Они секут топором, а он ёлочки выдергивал да кидал, да и всю *реку замуромил*, реку-ту забросал всю ⟨шибко⟩ — ма́ленька речка-то была. Дак и сказали, что Илья Муромец *реку замуромил*»¹⁸. Близкий мотив, в котором объектом именованья становится запруженная река, наблюдаем еще в одном тексте из Усть-Цильмы: «...начал он эти пенёшки-берёзки вытаскивать, никакой сохи в руки не брал, ничего. *И речку эту закидал* тем, чего корчевал, лесом. *Не потекла речка, так и называлась* [с тех пор] *речка Муромкой*. И сейчас, наверно, называется» [БП, Прил. I, № 9]. Наконец, стяженный вариант мотива «герой замуромил / замуровал реку, отчего река получила имя Муромка / Муравленка» можно усматривать в былине усть-цилёма Т. С. Дуркина (где главный герой вовсе не имеет привычного прозвания Муромец): «Пришел Илья: „Здравствуйте, я ваш сын. Идите домой, я вам напашу“. *Речка Муравленка пошла через луга*» [БП, № 51].

Таким образом, оригинальное изложение М. А. Семеновой происхождения имени главного богатыря русского эпоса в совокупности с другими усть-цилемскими текстами может быть оценено как интересная местная особенность, безусловно требующая дальнейшего сравнительного изучения.

Что касается самого исцеления, то, несмотря на типичность способа (через выпивание предложенного целителями напитка), детализация этой

¹⁶ Ср.: «Илья Муромец запрудил реку» [Смирнов, II. ВВ. 12].

¹⁷ К сожалению, в опубликованном тексте не показано ударение в этом слове.

¹⁸ ФА СГУ. АФ 0344-37.

сюжетной ситуации М. А. Семеновой выглядит, на наш взгляд, довольно редкой. В подавляющем большинстве печорских текстов странники настойчиво предлагают сидню самому встать / стронуться / слезть / сойти с печи / пошевелиться / протянуть руку-ногу и т. д. и спуститься в погреб за напитком¹⁹. В варианте М. А. Семеновой такого чудодейственного повеления нет, гости вынимают бутылку, подносят больному «стопку» / «чару зелена вина» и сами вливают ему в рот жидкость: «Они поднесли, в рот ему вылили, он поглотил это, выпил и стал вставать с койки» (Т-1); «Они поднесли ему, немножко в рот вылили, он выпил» (Т-3); «Они ему поднесли, так лёжа ему выпоили, он выпил» (Т-4). Наиболее близкими усть-цилемскими вариантами такого воздействия на героя можно считать предложение «глонуть» воды из кувшина, принесенного «старцем», в пересказе былины М. Ф. Кирилловой [БП, № 56] и выпить чашу (воды?) в сказке А. В. Хозяиновой²⁰. Примечательно также и то, что в каждом из трех текстов М. А. Семеновой эпизод исцеления передан с разной степенью подробности — в них видим один, два и четыре акта выпивания: в одном (Т-1) герой уже после первого раза почувствовал избыточную силу, которую «убавляют» из другой бутылки; в другом варианте (Т-3) «моготу́-силу» уменьшают лишь после трех приемов напитка (при этом о «другой бутылке» не упоминается); в третьем тексте описано однократное подношение: «...если, говорят, ему другу-ту стопку подать, дак его земля не будет носить. Он так это шибко будет какой-то такой сильный. Ну, ладно, го(во)рят, тогда: „Выпил стопку, дак и хватит, живи на здоровьё“» (Т-4).

В числе других наиболее заметных отличий в изложении сюжетных линий М. А. Семеновой отметим также нехарактерную причину заточения царем Ильи Муромца. Обычно после демонстрации на пиру Соловьем-разбойником своего ужасающего, губительного свиста богатырь окончательно расправляется с ним (бросает о землю, срубает голову и т. п.) и тем самым завершает свой подвиг избавления мира от чудовища, а позже, обласканный князем, стар казак становится жертвой навета завистливых бояр и подвергается наказанию. В сказке М. А. Семеновой Илью решают посадить на 30 лет в темный / глубокий погреб сразу после «выходки» Соловья Рахматовича — как будто тоже повинного в ней (точнее, в ее последствиях: «Тут люди со свисту его {...} много мертвых оказались», Т-1). При этом рассказчица сообщает об осознанности поведения плененного разбойника — он намерен-

¹⁹ Лишь в трех из 18 соотносимых вариантов этого эпизода усть-цилемских былин чудесным средством становится краюха хлеба / коврига.

²⁰ ФА СГУ. АФ 0374-13.

но свистит не «в полусвиста»: «осердился тоже, что там вот так сделали...» (Т-1); «он тоже *обозлился*...» (Т-3); «А он тоже *обозлился*, этот Соловей Рахматович, что тут так его, дак он заревел да во весь полон свист» (Т-4). Ответный гнев «царя» («Ну, тут царь тоже рассердился...», Т-1) распространился и на Илью Муромца, и расправу над Соловьем-разбойником совершили без его участия.

Обратим внимание также на некоторые особенности воплощения сюжетных ситуаций и образов в сказке М. А. Семеновой.

В рассматриваемых записях есть как почти дословно совпадающие фрагменты, так и варьирующиеся (причем и формульные, и прозаизированные), а также единичные, появившиеся лишь в одном из вариантов. Так, например, очень сходны между собой описания, опирающиеся на традиционные формулы и общие места: выбор богатырем дороги у столба на рощах, укоры коню — «травяному мешку», испугавшемуся свиста Соловья, приговор стреле, недоверие бояр в ответ на сообщение Ильи Муромца о преодолении непроезжей дороги и др.

Т-1	Т-3	Т-4
Ох ты, добрый молодец, не пустым ли ты да похваляешься?	Ой, еси ты, доброй молодец! Не пустым ле ты да похваляисьсе?	Ой, еси, добрый молодец, не пустым ли ты да похваляисе?
Эта дорога уже запала тридцать лет.	Эта дорога 33 года запала,	Та дорога 33 года запала,
Добрый молодец не прохаживал по этой дороге, чёрный ворон не пролетывал.	добрый молодец не прохаживал, чёрной ворон не пролетывал.	чёрный ворон не пролетывал, доброй молодец не прохаживал.
Заселился тут Соловей Рахматович, свистом людей убиват...	Там сидит на дубах, заселилсе этот Соловей Рахматович, он свистом людей убиват. Тут никто не может проезжать...	Там сидит на лесу Соловей Рахматович, свистом он людей убиват.

Комментируя публикуемый в [БП] вариант сказки М. А. Семеновой из собрания АКФ МГУ (Т-1), Ю. А. Новиков отметил, что «в тексте встречаются характерные для местной традиции подробности и формулы (Илья — слепой, он говорит каликам: „Я не то вам подать, я от вас принять готов“; Соловей-разбойник сидит „на семи дубах, семи поддубках“ и др.)» [БП, с. 693, № 57]. Действительно, в опубликованной записи рассказчица в ответе «сидня» на просьбу чудесных странников об угощении ориентируется на его формульную подачу, и в сравнении с другими вариантами здесь ей это удалось в наибольшей степени.

Т-1	Т-3	Т-4
«Ой, робятушки, я не то вам подать — я от вас принять рад».	«Ой, робята, добры молодцы, я не то вас угостить, дак рад от вас чё ле принять».	— «Я не то, — го(во)рит, — вас угушчать, а рад от вас, — го(во)рит, — чё ле принять».

Сама просьба передана М. А. Семеновй в вариантах по-разному — с традиционным сочетанием «чара зелена вина» и с упрощенным («обытовленным») побуждением к угощению, ср.: «Подай, говорят, нам хоть по чары зелена вина» (Т-1); «Давай, чем-нибудь угости нас. Может, у тебя чё ле есть дак» (Т-3); «Давай, угощай нас, гостей» (Т-4).

В числе характерных для печорской былинной традиции художественных подробностей, оцененных в качестве таковых Ю. А. Новиковым [БП, т. 1, с. 688], стоит назвать сравнение поседевшего в заточении Ильи Муромца с «белым куроптем», неоднократно примененное М. А. Семеновй («Слуги пошли у царя, погреб открыли, посмотрели — он сидит, бел, как куропат», Т-1; «...весь побелел, как куропать, уже поседател», Т-3; и др.).

В двух сюжетных эпизодах Марфой Алексеевнй использована сказочная формула продолжительности пути «близко ли, далёко ли, низко ли, высоко ли»²¹: в описании выезда богатыря из дома (Т-4) и пути в Киев-град с пораженным Соловьем-разбойником (Т-1, Т-3).

В характеристике пира можно усматривать следы своеобразной трансформации М. А. Семеновй стереотипного описания «день идет ко вечеру, пир идет навесели»: «У царя тут собраной *пир навёсел*» (Т-3); «Опять это *пир навёсел* как вроде с радости сббрали тута-ка, угощают старого казака» (Т-4). Наверняка зная разные поэтические клише, рассказчица тем не менее не всегда следует им; сравним, например, варианты ответа Ильи на нежелание родителей благословить его в дорогу — «прозаизированный» и формульный: «А он говорит: „Да ведь я и без благословения поеду, все равно пойду, мне охота съездить“» (Т-1) и «Дадите благословеньё — поеду, и не дадите — поеду» (Т-3). Испрашивание благословения на поездку в вариантах Марфы Алексеевны тоже выглядит неодинаково: лаконично (Т-1) и более развернуто, при этом с различными мотивировками отъезда.

²¹ Есть она и в другой рассказанной М. А. Семеновй сказке — об Иване, двух братьях и Марфе Прекрасной (ФА СГУ. АФ 03107-18).

Т-1	Т-3	Т-4
Стал у матери-отца просить благословления ехать в стольный Киев-град...	У отца да у матери стал просить благословленья ехать в стольной Киев-град. Там, слышал, есть много <i>богатырей</i> живёт — богатырей посмотреть.	У их стал благословленья просить ехать в стольный Киев-град, там <i>бояра</i> живут.

Добавим, что если желание «посмотреть богатырей» характерно для русских былин²², то бояре как «достопримечательность» Киева и повод для поездки не относятся к числу распространенных деталей. Примечательно, что в «избе» у «царя» Илья Муромец в основном и видит «бояр толстобрюхих»: «Там цари собрались, пируют, собраны *бояре толстобрюхие*. Гуляют, пьют тут, веселятся» (Т-1); «У царя тут собраной пир навесёл. Тут *бояра* собраны *толстобрюхи*, гуляют, пьют, пьют, выпивают, поют» (Т-3); «У царя тут чесен пир собранный, *бояра толстобрюхи* гуляют — в обшэм, така гулянка. (...) Зашёл в йзбу. *Бояра* тут гуляют, пьют» (Т-4).

Довольно интересен своими выразительными деталями и характером изложения сюжетный эпизод уничтожения старым казаком «орды неверной» («Илья Муромец и Калин-царь»). Четыре варианта М. А. Семеновой демонстрируют следование одной схеме, опорными в которой являются место действия («чисто поле»), обозначение орудия («палица буювая»), способ владения им («стал помахивать» / «поваживать» / «покашивать», «махнёт» / «коснёт»), описание физического уничтожения врагов (разрубание на две-три части) и его результат («всю орду присек» / «присекли» / «всех переборол»); при этом обращает на себя внимание и органичное вкрапление диалектизмов, ср.:

«Этот стал казак Илья Муромец по чистому полю поезживать, у него така орудия, какая-то палица буювая была, этой палицей буювой помахивать, по людям поезживать, кого махнет, коснет, так на две, на три части целовек... Этак поезживал, поезживал, поваживал палицей буювой, всю эту Орду присек» (Т-1);

«Выехали в чисто полё, бороться тама-ка, воевать — на их как идут войной. Этот стар казак вот Илья Муромец стал помахивать палицей буювой: куго коснёт, на два да на три утинка²³ — части — лётят люди. И вот эту войну всю они, он всех переборол» (Т-2);

²² См., например: «Посмотреть мне князя Владимира, / Посмотреть всех русских богатырей» [БП, № 40, ст. 65, 66].

²³ *Утинка* — небольшая часть, кусок чего-нибудь [СРГНП, т. 2, с. 384].

«Илья Муромец ездит на коне, как палицей буёвой куго махнёт, дак два да три человека опять это чéрез пересекают. Это ездили-ездили по чистому полю, и всю эту орду неверну присéкли, и лежат все» (Т–3);

«Эти взяли палицы буёвы, поехали в чисто полё. Тут столько на них напахнуло орды неверной! Они стали поезживать, это поваживать, покашивать. Как какого хозонут²⁴, дак так и на две части-половинки, да на три — так и человек. Тут они их все присéкли» (Т–4).

Примечательно, что разрубание противника на несколько частей, известное русскому эпосу, не встречается в усть-цилемских вариантах былины о воинских подвигах Ильи Муромца. Не прибегая, к примеру, к формульным описаниям битвы²⁵, Марфа Алексеевна создает зримую картину расправы с «неверными», любясь удалью и грациозностью богатыря, который как будто не в полную силу, играючи поражает неприятеля (обратим внимание на глаголы с приставкой по- со значением неполноты и многократности действия: *поезживает, поваживает, покашивает, помахивает*).

Вообще рассказчица передает историю об Илье Муромце как вполне реалистичную, понятную ей. Она сама делает пояснения к устаревшим, с ее точки зрения, словам; в частности, практически при каждом рассказывании останавливает внимание на «ранешних», «тогдашних» средствах передвижения и оружии: «А раньше никакой орудии не было, механизации никакой не было, только поедут на лошадках да пешком пойдут» (Т–1); «Тогда ведь это не то что кака ле техника была — на кóнях там боролись. „Только, — го(во)рит, — подготовьте палицу мне, — го(во)рит, — боёвые, — говорит, — дайте“, — каки ле были там, така орудия» (Т–2); «А тогда механизации никакой не было. Он го(во)рит: „Если есть, — го(во)рит, — кони хороши — можно, — го(во)рит, — поедем на кóнях. Да если есть палицы буёвы“ — таки это махать людей тогда, та и орудия была» (Т–3); «А тогда орудии никакой, механизации не было, были таки палицы буёвы каки-то, это тут хозонут, свиснут²⁶, дак и убивают, это каки ле как свинцы да всё таки наделаны» (Т–4); «А у него была стрела, лук. (Это раньше орудия такая была, лук да стрела.)» (Т–1); «Така стрела была, лук. Вот раньше та была и орудия, та и механизация» (Т–3); «А у его с собой-ту орудия-то тогда была така — лук да стрела» (Т–4).

²⁴ *Хóзнуть* — ударить с размаха [СРГНП, т. 2, с. 401].

²⁵ См., например, в усть-цилемских вариантах сюжета «Илья Муромец и Калин-царь»: «И махнет он этой палицей: направо махнет — целой улицей вáлятца, налево махнет — перелуками» [БП, № 49, ст. 212–214], подобное см.: [БП, № 103, ст. 63–64].

²⁶ Ср.: *вóсвистать* — разбросать в стороны, разметать; ударом выбить, вышибить [СРГНП, т. 1, с. 120].

Многие эпизоды Марфа Алексеевна приближает к привычной ей обстановке и рассказывает их простым языком, по-женски эмоционально. Это свойственно практически всем значимым сценам повествования: и появлению Соловья-разбойника на пиру, и помощи сердобольной «царицы» посаженному в погреб богатырю, и переговоры с ним царя при участии слуг и жены, когда «война началась». Приведем в качестве примера встречу Ильи Муромца с родителями, «до обморока» удивленными его появлению на поле и на радостях обнимающими его, точнее, «хватаящими в охапку»: «Отец с матерью увидели: смотрят — он идет, сын ихний. Подошел. Они в обморок пали, просто это... тридцать три года уже лежит, не встает» (Т-1); «Они увидели, что он идёт, они одва в обморок не пали: уж тридцать три года лежит без рук, без ног, слепой — и идёт он. Они тут подбежали к нему, в охапку его схватили: „Чё с тобой тако случилось?“ (...) Ну, они тут оступились работы: „Давай пойдём домой“» (Т-3); «Они там видят: вроде он идёт. И всё уже, эдва тут в обморок не пали: как так? Идёт уж²⁷. Тридцать три года лежит, ничем, ничё и... Они к нему навстречу побежали. Бёжат: он, сын ихной. Они тут его хватили в охапку» (Т-4). В таком же ключе передана реакция односельчан на известие об исцелении Ильи: «Тут суседы все собрались. Тута-ка немножко собрали как канпанью, выпили с радости. Это всё тут такое, соседи все знают, что он лежал, а тут так» (Т-3); «Там люди всё увидели, все тут скопились, все его, как вроде уж тут на диво кажется, встречают» (Т-4). Отголосок этих сцен видим в описании «всеобщей радости» по случаю освобождения Ильи Муромца из заточения: «Тут люди скопились все, тут его стречают, в охапку хватают, целуют» (Т-4).

Повествование об Илье Муромце М. А. Семенова заканчивает вполне по-сказочному: после пира в честь победы над ордой принято решение «старого казака Ильи Муромца царю взять чтобы на житьё, на бытьё до смерти» (Т-4). В одном варианте она даже допустила, что богатырь стал преемником царского престола: «этот царь сдал всё при людях тут старому казаку, это царство тут ему царствовать, править» (Т-3). В финальных фразах рассказчица приближается к известной сказочной формуле «стали жить-поживать да добра наживать»: «И вот тот стал жить, и стали жить это да поживать» (Т-3); «стал поить, кормить его, хорошо держать» (Т-1); «Царь этого старого казака взял себе на житьё на бытьё до смерти, чтобы его в добри так уж это держать. И вот, тут больше они его держали: поили, кормили хорошо, ухаживали за им» (Т-2). Но в трех из четырех вариантов сказка заверша-

²⁷ Ср. с другим «женским» вариантом этого эпизода — в пересказе М. Ф. Кирилловой: «Мать в обморок пала. Как это так? Столько лет сидел без ног — и идет!» [БГ, № 56].

ется смертью героя: «Ну, правда, он тут постарел, жил немного, потом он старый был и умер» (Т–1); «Тут он у их и умер. И сказке конец» (Т–2); «...и тут он, Илья Муромец, стал жить, и тут у его жил-пóжил и умер. Сказка конец» (Т–4).

Итак, сказка М. А. Семеновой об Илье Муромце, по сути, представляет собой жизнеописание героя и изложение двух основных его подвигов — укрощение Соловья-разбойника и победы над ордой неверной, между которыми — смиренное сидение в погребке с Евангелием. Наиболее оригинальной чертой сказочной биографии богатыря, изложенной этой исполнительницей, является получение им прозвища «по результатам» его первого, крестьянского, подвига. Ее параллели, обнаруженные в местной традиции, лишь оттеняют цельность и четкость этой версии, озвученной Марфой Алексеевной.

Разновременные записи, сделанные на протяжении десяти лет (с 1980 по 1990 г.), дают прекрасную возможность увидеть как местные, так и индивидуальные особенности исполнения одного произведения, разностилевую «пульсацию» фольклорного текста — то отливаемого в традиционные формулы и общие места и их своеобразные трансформации, то переходящего в обычную речь. Учитывая довольно большой и разножанровый репертуар устных рассказов М. А. Семеновой (сказки, предания, легенды, былички), можно говорить о дальнейших перспективах изучения усть-цилемской народной прозы на материале записей этой исполнительницы.

Литература

- Астахова 1958 — Илья Муромец / Подгот. текстов, ст. и коммент. А. М. Астаховой. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 559 с. (Лит. памятники).
- Астахова 1962 — *Астахова А. М.* Народные сказки о богатырях русского эпоса. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 120 с.
- БП — Былины: В 25 т. // РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 1–2: Былины Печоры / Изд. подгот. В. И. Еремина, В. И. Жекулина, В. В. Коргузалов, А. Ф. Некрылова. Отв. ред. А. А. Горелов. 776 с. + 784 с. (Свод русского фольклора).
- Наумова — *Наумова О. В.* Усть-цилемская исполнительница М. А. Семенова: особенности репертуара и стиля // Человек и окружающая среда: XI Коми республик. студ. науч. конф., посвящ. общероссийским дням защиты от экологической опасности: Progr. и тез. докл. / Отв. за вып. Л. А. Яшина. Сыктывкар: ИПО СГУ, 2001. С. 104–105.
- Смирнов — *Смирнов Ю. И.* Былины: Указатель произведений в их вариантах, версиях и комбинациях. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 280 с.
- СРГНП — Словарь русских говоров Низовой Печоры: В 2 т. / Под ред. Л. А. Ивашко. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2003. Т. 1. 553 с.; 2005. Т. 2. 470 с.

References

- Astakhova, A. M. (1958). 'Il'ya Muromets v russkom epose', in: A. M. Astakhova, ed., *Il'ya Muromets* (Literaturnye pamyatniki). Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 393–419.
- Astakhova, A. M. (1962). *Narodnye skazki o bogatyryakh russkogo eposa*. Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 120 p.
- 'Byliny Pechory' (2001), in: *Byliny*. 25 Vols. (Svod russkogo fol'klora). Saint Petersburg: Nauka; Moscow: Klassika. Vol. 1–2, 776 + 784 p.
- Ivashko, L. A., ed. (2003, 2005). *Slovar' russkikh govorov Nizovoi Pechory*. 2 Vols. Saint Petersburg: Filologicheskii fakul'tet Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 553 + 470 p.
- Naumova, O. V. (2001). 'Ust'-tsilemskaya ispolnitel'nitsa M. A. Semenova: osobennosti repertuara i stilya', in: L. A. Jashina, ed., *Chelovek i okruzhayushchaya sreda. XI Komi respublikanskaya studencheskaya nauchnaya konferentsiya, posvyashchennaya obshcherossiiskim dnyam zashchity ot ekologicheskoi opasnosti: Programma i tezisyy dokladov*. Syktyvkar: Izdatel'sko-poligraficheskii otdel Syktyvkarского gosudarstvennogo universiteta, 104–105.
- Smirnov. Yu. I. (2010). *Byliny. Ukazatel' proizvedenii v ikh variantakh, versiyakh i kontaminatsiyakh*. Moscow: Institut mirovoi literatury Rossiiskoi akademii nauk, 280 p.